

Е: У вас весьма необычная клиника, практически это haute couture в стоматологии. Как появилась идея ее создания?

Владимир Никитин: — Два года назад наш друг и партнер Михаил Куснирович — глава компании Bosco di Ciliegi — предложил нам свой бренд Bosco для создания стоматологической клиники и аптечного бутика нового уровня, каких до сих пор в России не существовало. У нас к тому времени уже были свои клиники в Москве и Лондоне, причем оказалось, что наши пациенты и клиенты Bosco di Ciliegi — почти всегда одни и те же люди. Так почему бы, подумали мы, не создать для них клинику с уже привычным им брендом.

Е: И вам это удалось?

Серго Григорян: — Конечно. Мы первыми в мире создали стоматологическую клинику под брендом высокой моды. А ведь Bosco в России даже более раскрученная марка, чем, скажем, многие модные итальянские или французские бренды. Но вы можете спросить: что общего у моды и стоматологии? Наш ответ прост: прежде всего это красота. Уже при входе в нашу клинику вы понимаете, что попали в совершенно необычное место. Мы находимся в «Петровском Пассаже», известном своими изысканными бутиками, ресторациями, салонами красоты. А в нашей клинике эстетическая стоматология занимает особое место. Что же касается отличий Bosco от других клиник в профессиональном плане, то прежде всего это врачебный коллектив самого высокого уровня. Достаточно сказать, что мой партнер доктор Никитин — руководитель имплантационной службы Королевского медицинского колледжа Великобритании. Вы представляете, он преподает англичанам, у которых самый высокий уровень стоматологии в мире! Именно в том колледже, где работает Владимир, сейчас проводятся уникальные эксперименты по вживлению и выращиванию зубов с использованием стволовых клеток. В будущем зубы будут клонироваться. Процедура имплантации перестанет быть необходимой. Как только такая технология появится там, она сразу же начнет применяться и у нас.

Е: Но люди боятся ходить к стоматологам, опасаясь боли. У вас есть решение этой проблемы?

Владимир Никитин: — Правильно делают, что боятся. К сожалению, почти все люди, прошедшие старые, варварские методы лечения зубов, имеют негативный опыт. И чтобы их психологически расслабить, приходится прикладывать немало усилий. И тут нам помогает сама атмосфера клиники как элегантного и красивого места. Кроме этого, существует масса методик избавления от страха. Мы применяем то одну, то другую из них, в зависимости от ситуации. И результат всегда положительный. Вот сейчас рядом со мной сидит мой друг Серго, которому недавно был поставлен имплантант. Наложено 8 швов. Но он не принял ни одной обезболивающей таблетки. В этом просто нет никакой необходимости.

Е: Кто ваши постоянные клиенты?

Владимир Никитин: — Перечислять знаменитостей не буду. Придете на лечение в клинику, увидите сами. Скажу только, что пациентов-армян немало. Радует то, что подавляющее большинство новых пациентов — друзья, коллеги и родственники «старых» клиентов. Это, на мой взгляд, самое лучшее достижение нашей клиники. В нашей врачебной команде собрались единомышленники, высокие профессионалы своего дела. Кстати, мы всегда открыты для разговора о возможном сотрудничестве с опытными, зарекомендовавшими себя стоматологами. У нас и развитие намечается. Планируем, что к осени откроется BoscoClinica в «Смоленском Пассаже».

Е: Серго, а как вы оказались в стоматологическом бизнесе? Ведь вы по образованию юрист.

Серго Григорян: — Да, я действительно окончил юридический факультет МГИМО, стал кандидатом юридических наук, работал в Министерстве внешней торговли, Министерстве иностранных дел. В 1991 году незадолго до развала СССР был направлен в Великобританию, так сказать, «по поручению партии и правительства». Резкие необратимые перемены в нашей стране заставили переориентироваться на бизнес. Так появилась английская компания «Армко», которая помогала создавать другим и создавала сама различные бизнес-проекты. Так что для меня стоматология — это одна из возможностей проявить свои управленческие

навыки. Мне нравится создавать успешные компании в самых разных отраслях — торговой, ресторанной, медийной. Теперь к ним присоединился и стоматологический бизнес. К слову, наша компания «Дентстар» — самый крупный поставщик стоматологических установок в страны, входящие в СНГ.

Е: Надо полагать, столь бурная коммерческая активность у вас просто в крови? Армяне всегда славились предпринимательскими талантами.

— Думаю, вы правы. Хотя такие таланты есть у многих народов. Вообще, где-то до середины 1980-х мы ведь не обращали внимания на национальность. Например, я даже не знал, что мой институтский товарищ Умар — чеченец. Просто как-то не задумывался об этом. Но, с другой стороны, я, безусловно, всегда ощущал свою принадлежность к армянской нации, хотя и родился в Москве.

Е: Но ваш отец, насколько мне известно, родом из Еревана?

— Да, папа из Еревана. И на армянском говорит свободно. Он из богатого купеческого рода Хорасановых. Мой двоюродный прадед учился в одном из петербургских офицерских училищ. Так вот, как-то сокурсник назвал его «армяшкой», за что тут же получил от моего предка оплеуху такой силы, что скончался на месте. Юношу приговорили к смертной казни. Моя прапрабабушка Шамам Хорасанова поспешила в Москву просить за сына у императрицы. Шамам предстала перед императрицей в роскошном армянском национальном костюме и рассказала о горестном приключении сына. Императрица повелела помиловать юношу и напоследок восхищенно отозвалась о прекрасном наряде Шамам. По приезде в Ереван растроганная милостью царствующей особы моя прапрабабушка велела сшить самый лучший национальный армянский костюм и с благодарностью отправила его императрице. У нас до сих пор сохранилась фотография Шамам в национальном костюме. У моего прадеда было 8 детей. И каждому из них он отписал по нефтяной вышке в Баку — в то время большинство предприятий там принадлежало армянам. Правда, после революции все было национализировано. Меня воспитывали в соответствии с обычаями нашего рода — на национальных песнях и традициях, на армянской кухне и тостах. И когда я слышу родные звуки дудука или армянскую речь, мгновенно ощущаю эффект прилива адреналина в крови.

Е: Есть ли в Ереване чем-то памятные или наиболее дорогие для вас места?

— В первую очередь это район вокруг Оперного театра. Наша семейная квартира находилась на улице Теряна. Мой дед был строителем, и дом, в котором мы жили, строил, по сути, он сам. Сейчас в этой квартире живет моя тетья. В детстве я часто проводил там время. Особенно любил парк с озером рядом с домом и лебедей, плавающих в нем.

Е: И тем не менее, значительную часть времени вы проводите в Лондоне. А есть ли армянская жизнь в туманном Альбионе?

— Безусловно. Там действует армянская община, пусть и не такая большая, как в Париже или в Лос-Анджелесе. Но зато там есть две прекрасные церкви. Одна из них построена всемирно известным нефтеторговцем Гульбенкяном. Есть там и армянское общество, воскресные школы, концертный зал. То есть жизнь бурлит. Впрочем, это естественно, ведь Лондон — столица мира. Эталонный город космополитизма, в котором найдется место представителям любой нации.

Е: А есть ли что-нибудь такое в Ереване, чего нет больше ни в одной столице мира?

— Всякий раз, когда я приезжаю в Ереван, у меня внутри как будто все переворачивается. В самом воздухе этого города витает что-то свое, невероятно родное, так что я сразу начинаю ощущать мощный приток энергии. Недавно я возвращался из Австралии в Лондон и, пролетая над территорией Турции, вдруг увидел две красивые заснеженные вершины, одну весьма большую, другую поменьше. И тут же взрыв внутри: да это же Арарат, правда, с другой стороны! Глянул в иллюминатор вниз, а подо мной историческая земля армян, растянувшаяся на многие километры. Я все смотрел и не мог оторваться от этого захватывающего зрелища. А с другой стороны величественного Арарата, в долине, от меня скрывался Ереван — самый дорогой для меня город на земле.